



ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА. БАЛТИЯ



женская поэзия Латвии

ДЕВИЧИЙ ВИНОГРАД

Коллектив авторов

Девичий виноград.
Женская поэзия Латвии

НП «Центр современной литературы»

Коллектив авторов

Девичий виноград. Женская поэзия Латвии / Коллектив авторов — НП «Центр современной литературы»,

ISBN 978-5-91627-108-9

Литература латышей до сих пор немного матриархальна. Как и мифология: основные персонажи латышского пантеона, отвечающие за порядок, дом, детей, урожай и даже за искусство, – это богини: Дижя, Лайма, Мара, Тикла (в противовес раздолбаю Лиго, гопнику Перкунсу и лицемеру Юмису). А декоративный «девичий» виноград – *Parthenocissus quinquefolia* – в Латвии встречается чаще, чем хмель...

ISBN 978-5-91627-108-9

© Коллектив авторов
© НП «Центр современной
литературы»

Содержание

Плыть	6
«Тайная жизнь вещей в этом доме...»	7
«предчувствие словно птица...»	8
«Я поворачиваюсь к тебе спиной...»	9
Снег	10
«в белом поле метет...»	11
Парадоксы невинности	12
«С каждым днем становлюсь моложе...»	13
«думать о декабре так долго...»	14
«может быть твои острова обледенеют...»	15
В аэропорт	16
Февральское	17
«В наш фонтан набросали ценнейших денег...»	18
«любой из дней. сидела в снегу...»	19
«снаружи ультрамарин...»	20
«все стало иным с того дня...»	21
«когда я вышла на улицу...»	22
«Чернилами зелеными весны...»	24
«Будильник тикает и Бог смеется...»	25
«май...»	26
В незнакомом раю	27
«душевное тепло выщипанное у ветрениц...»	28
«Я остановилась в гостинице, где комната пахла одеколоном...»	29
«сидящий под липой на Липовой улице в Лиенае...»	30
«воздушные невесты реют над огородами...»	31
«Река переполнила наши глаза...»	32
После потопы	33
«помню улица успокоения дымка пополудни...»	34
«мы идем касаясь друг друга плечами...»	35
Петелька к петельке	36
Добрый вечер, месье Гоген	38
«меня разбудила соседка, просит пятерку на молоко, гляжу ей...»	39
Утром, вечером	40
«рожок для обуви красный как язык шакала сразу же...»	41
Геометрия	42
«когда шел дождь...»	43
«Неприкаянные любят неприкаянных. Любят остро...»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Женская поэзия Латвии. Девичий Виноград

Я надеюсь, что переведенные и собранные мной в этой книжке стихотворения можно воспринимать как единое целое, как некое место в пейзаже латышского языка, вернее, его реплику на русской почве, выстроенную с помощью фонетических иероглифов. И оттого здесь нет комментария, равно как и сведений об авторах – ни их возраст, ни количество опубликованных ими книг или же полученных за это премий не имеет прямого отношения к нижеследующему тексту. Мне кажется, что при желании всё можно найти в интернете и понять с помощью Google Translator. На выбор поэтов и стихотворений повлияли не только мои личные способности и пристрастия, но и своего рода совпадения: я оставил за бортом многие определенно прекрасные и важные для меня строчки, которые не были переведены по одной-единственной причине – «не сложилось» (по времени и в пространстве). При этом некоторые переложения выполнены настолько вольно, что их проще считать вариациями на тему.

Переводчик

Плыть

Прикосновение воды –
дрожь кожи, мышц, тока крови,
 дрожь и воспоминания, глубже и ярче тех,
 что присущи памяти человека – подкожная,
 внутримышечная и внутривенная память рыб,
 водорослей и птиц.
Под черепом дышит ледник – на его
 ладони нить моей пуповины.
Прочие нити оборваны – голое
 тело летит в воде, волнуясь, как
 водоросль, как водопад.
Без жалости, без ностальгии –
 мгновение милосердия к изгнанному из
 Эдема.

Майра Асаре

«Тайная жизнь вещей в этом доме...»

Тайная жизнь вещей в этом доме
скоро вытеснит нашу.
Мы не ждем никого, и никто не приходит,
но скрип ступеней громче твоего смеха.
Письма сами себя переписывают, а наши фото
меняясь, изменяют и нас.
Ваза не доверяет мне больше,
сама спускаясь в сад за цветами,
срезает непосаженные нами астры.
Радио включается в тот миг, когда мы готовы
сказать прощай,
и мы проскальзываем один сквозь другого:
как если бы ты был туманом, а я – кинжалом,
как если бы я была мглой, а ты – стрелой.

Аманда Айзпуриете

«предчувствие словно птица...»

предчувствие словно птица
на глянцевом снимке
смотри как она бела и еще на зимнее солнце
смотри как танцуем мы
чисто и просветленно
на утренних световых сабле-голубых
остриях
поддерживая шлейф смерти

но златорунный Овен
Вечный школяр
стучит в двери
и нет у нас
выбора
нас вышвырнут
едва мы поднимем веки

Майра Асаре

«Я поворачиваюсь к тебе спиной...»

Я поворачиваюсь к тебе спиной,
вытатуируй на ней
старую довоенную карту.

Дайна Сирма

Снег

В городе что ни ночь тает старый снег
Тает с протяжными вздохами
тянется сквозь мои сны

Днем гляжу – смотри-ка
только в канавах
только в тени еще снег

Будет таять
пару ночей поболит
чуток поболит
и пройдет

Майра Асаре

«В белом поле метет...»

в белом поле метет
не видать леса по сторонам
дома сарая овина риги липы дуба яблони вишни не видать

видно лишь как в одинокой лыжне
кровоточит забвение

Дайна Сирма

Парадоксы невинности

так сдержанно пахнут земляникою руки
я пробовала украсть твой ландшафт
текущий от груди к
бедрам. и согнуть под углом.
прежде были так небесно
так невинно-белы
те перистые те кучевые
целующие девичий профиль
 это память?
как ладони мулатки.

как ненаписанное письмо
брошенного ребенка
как неудачный снежок
в твое окно.

ночь тепла.
под моим взглядом асфальт седеет
спокоен и тверд
как только что принявшийся снег.

Андра Манфелде

«С каждым днем становлюсь моложе...»

С каждым днем становлюсь моложе.
Рубцы, оставленные твоими словами, поджигают,
Когда вся моя кожа зарубцуется, придет время родиться
заново.
Ты станешь моей матерью.

Дайна Сирма

«думать о декабре так долго...»

думать о *декабре* так долго
полюбить затворника нежного –
утром золотой штрих на синем
вспоминается всё, что когда-либо
слышано о красоте
одинокий затворник приручает птиц
гнездиться на ледяном оплечье
он зимний птичий царь
с летучей мышью в короне
шум и гам разбиваются
о его белое тело

Вот *декабрьская* остановка
всегда кто-нибудь да сходит
в вечное одиночество
в дрожащую штриховку зари
к птицам зимы
узки и прекрасны глаза страстей декабря
несущие мудрость и нежность
знающие ответ

Майра Асаре

«МОЖЕТ БЫТЬ ТВОИ ОСТРОВА ОБЛЕДЕНЕЮТ...»

может быть твои острова обледенеют
и ночью сваренной круто как необетованные земли
(манящей теплыми руками, приди, вцепись в мои бедра)
запремся на засовы от небес и от звуков
и запируем с ловкостью сладкой пиратов
(как будто не знаем,
что прирасти друг к другу можно робко, но пьяняще быстро)

может быть твои ледники растают
и в созревающей по берегам черничной прохладе
(мы будем чуткими как коты, встав в боевые позы)
вслед за тонкой оплетенной синими жилками нитью
в тебя я отыщу выход к морю

Байба Декена

В аэропорт

ты как бы едешь в аэропорт забрать меня
но в действительности ловишь такси и едешь лишь обратно
курит шофер и дым бьется в лобовое словно в аквариуме
голос не живет в телефоне живет в парковочной карте
как бы в аэропорт
но обратно (америка становится островом) сжалось в кулак
(освежитель воздуха в джунглях фуры свой выкинул флаг)
пальцы в угле кто-то рисует ту птицу из стихов г. а.

«алкоголи» высохли

(поля свились в свиток)

тушь выплескивается тебе на колени
никто никогда не пел про мужские колени
это еще больше страха еще больше цунами
но в воздухе сами думаются такие думы

километры
вертикальны
между нами

Ингмара Балодэ

Февральское

феврали всегда чудовищны,
как-то раз написал мне один знакомый
бессилие, упадок, тупик –
всё это в феврале

давнишний вечер, *цесис*, вокзал, ожидание рижского поезда
лампы в ветвях рисуют мокрые призрачные гало
слякоть, нагота, туман повсюду
февраль повсюду

я думаю об улицах детства
открытых, пустынных, чистых
я думаю о феврялах детства
морозных, искристых, хрупких

обо всем этом я думаю одним июньским полднем
ах, многоцветие бытия, ах, белое золото солнца
закадровый гул моря, рдеющая нежность пляжа
и серебристая линия горизонта целует глаза
и новая садовая мебель пахнет тиком и лаком
и свежескошен газон
и под рукой кофе, ваниль, вино

всё это пронизано и пропитано светом

однако зенит по-прежнему возвращает мысли – к надиру
к трудному, печальному, невнятному, неизведанному
к изначальности, к судьбоносным стыдливим случайностям
// к февралю, мороку, мраку, тяжести, вязкости

я не хвастаюсь: прожито, хожено, сужено, ряжено
намечены маршруты среди городов и людей. четкие ясные тропы
надежные, исполненные уверенности

но рижский февраль неизменно сыр. но рижский февраль
неизменно трагичен:
исполнен ошибок, опасностей. он пробирает человека
насквозь – вплоть
до треснувших костей, хрустнувших хрящей, промозглых печенок
он сминая, прожевывает, плюет

Рута Межавилка

«В наш фонтан набросали ценнейших денег...»

В наш фонтан набросали ценнейших денег,
потускневшие статуи все зазолотились,
парковый ильм стучит в небесные окна
и люди вокруг надевают более яркие маски,
но у дымки под липами
всё еще чудесное лицо твое
и у вечернего одиночества всё еще
лицо твое злое.

Аманда Айзпуриете

«любой из дней. сидела в снегу...»

любой из дней. сидела в снегу.
как кожа. как тесто
крючит пальцы. солнце затекло.
женщины. одна. две
три-четыре.
мороз.
одна. две
три. четыре.
обещания. низко пали.
молочные. не брошенные.
час близится. петух начеку.
женщины. без. мужчин.
пара глаз. с молотка.
три вселенных.
четыре вечера.
дождь. последнее слово.
первый корень. росток. побег.
женщины в снегу.
раз. едва. три.

Инта Кампара

«снаружи ультрамарин...»

снаружи ультрамарин
если включить электричество

рябь приглушенных сигналов
похоже каждый уикенд снег

сумерки час за часом
проявят мои черты квазимодо

живу как играю в прятки
ибо смерть это обнаженность

в окне нагота зари
разбуженные лавины

мы их изнанка

целуй меня своим рыбьим ртом
крой крылами ветряных мельниц

Андра Манфелде

«ВСЕ СТАЛО ИНЫМ С ТОГО ДНЯ...»

все стало иным с того дня
когда мы стерли своими руками
все образы и облики мира
сделавшись больше нежели сильнее нежели просто
лица руки и плечи
наши дыхания тончайшими линиями
лепят в воздухе вечера наново –
величественных и благородных птиц
их крылья над нами
их голоса – южный ветер
испанку, танцующую пламя
ее зеркала –
наши глаза
глубокий и нежный мех леса готовый встретить
наши тела

Майра Асаре

«КОГДА Я ВЫШЛА НА УЛИЦУ...»

когда я вышла на улицу
подняв руку в весенней ночи
звякнув сантиметрами
и перетерев с шофером
единственное место
осталось возле женщин
одетых в красное

у одной на руках ребенок
у другой кольцо и бутылка пива
ну а третья опустила руки

мы вместе летим над каналом
над дрожащими реями кораблей
чьи бока изъедены ржой
а якоря на вечном приколе
затем мост делает сальто
заходится плачем ребенок
янтарный колос выплескивается
на резиновый коврик
молочные реки
кисельные берега

«не плачь» говорит первая бордовая
и той второй алой вытирает щеку
«что тушь моя превратилась в маску?
разве я не буду больше прекрасна?»
плоть под одеждой алела
// и снова зашелся ребенок

«перестань»
первая звучит туннельным ветром от близости поезда
тоном сильным как ведро бьющее в сруб колодца
точно так брюква перекачивается в тележке

«вот здесь остановите»
странно расплылся свет
может быть от прожекторов
а может быть от луны
или от этих воскресших
чреватых трещинами на каждом саженце и побеге
замечаю
лица обеих темны и красны
мы трое неотличимы во тьме

Андра Манфелде

«Чернилами зелеными весны...»

Чернилами зелеными весны
я подпишусь под тающей зимой.
Роскошный тлен мой:
от четверки вьюг – к четверке стен и
клавишам бездомным, ты до самой

смерти и от кончиков ногтей служил им,
чтобы я шла, как звукоряд, к вершинам
твоей тропой, где и дышать-то нечем,
где наших жизней вечный непокой.

Чернилами зелеными весны
я подпишусь под нашей встречей. Нечем
мне доказать, что подписи верны.

Аманда Айзпуриете

«Будильник тикает и Бог смеется...»

Будильник тикает и Бог смеется
тому, что мы зовем его часами.
– Черт возьми, – Он говорит, –
в пыли, виниловых осколках,
в том, что чай остыл, что снег растаял,
что реки обмелели, виден
ход *часов*, как
на ладони
ожог.

Майра Асаре

«май...»

май
неискоренимая воскресная гонка ближе к вечеру, на
пути в город. солнце слепит глаза, да
безжалостный блеск асфальта. чувствуешь скорость, да
на море были лебеди. гарь, безветрие
сосед сжигал палый лист
бремя зимы не воспламенялось. горя долго и тяжело,
саднило
брачные ритуалы термитов, да, металлический блеск незабудок
необъятность небес, да

Рута Межавилка

В незнакомом раю

как тебя искала я в незнакомом раю
даже там словно в снах моих ты ко мне спиной
как всегда не найти ботинок
не выбрать рубашки пожалуйста не надевай ничего клетчатого
не носи чужого

там в риге с талмудом хемингуэя в подоле долго сидела в кругу
роз у памятника свободы один мальчик пил рядом какао-синтетик
одна девочка так спешила очевидно была пьяна один ударник
играл на маримбе и щурил глаза как будто наблюдал воздушных
гимнастов

но по вогнутым мостовым у памятника свободы
никто-никто не шел твоей походкой
тут мне стало страшно –
живи мы совсем в ином месте
под всеми этими цитрусовыми с тарелками полными мидий среди
морских гребешков и летучих рыб – в жгучей анри-матиссовой
синеве и в лимонно-желтых каютах его акварельных яхт

как бы я тебя там нашла как могла бы знать

правда ли, что у нас здесь один лишь парк один памятник
свободы
одна жизнь

Ингмара Балодэ

«душевное тепло выцыганенное у ветрениц...»

душевное тепло выцыганенное у ветрениц
страждут сирые духом
 выпевают тоскливо
как далеко бы
 могло быть отсюда до моря?
и кто позабыл
 отогнать лошадей –
так в небесах и пасутся
 серые и спокойные
 серые и спокойные
лучатся подземные жилы
 корни и сочлененья
сложим ладошки молясь
оробело
веруя в то, что нас услышат
надеясь на то, что нас
не увидят

Майра Асапе

«Я остановилась в гостинице, где комната пахла одеколоном...»

Я остановилась в гостинице, где комната пахла одеколоном.
Под окном танцевали поляки под песню с украинским
ароматом.

Неделю назад на львовских улицах один маленький пес
спасся от большой воды, мне хотелось написать тебе об этом.
После по высохшему небу шарил молния.
Ветер лакал во дворе песок из воронок.

В чужом сне рассказывала тебе, почему все застыло,
большой бульвар просочился в окно и застрял на кухне.
Пальцы, чего бы они ни касались, притрагиваются к седым
волосам.

Несколько необнаруженных мест, пейзаж лицевых мускул.
Снаружи: треск, копоть,
мальчишка на набережной возвращает нам синий зонт –
что-то там прятал,
что-то открыть собирался.

Ингмара Балоде

«сидящий под липой на Липовой улице в Лиенае...»

сидящий под липой на Липовой улице в Лиенае
абсолютно реален
с полей его шляпы свисает
слоник из плюша
розовый синтетический хобот грозен
как рога у берсеркеров на шлемах
пускай броня его пластик
топор – стекло
зато война настоящая
по меньшей мере раненых и убитых выше крыши
и голый король-победитель
дряхнет на ярком песке отливавшем кварцем вчера
а шелком сегодня
оркестр играет завтрашний туш
по мускусным и табачным нотам

Андра Манфелде

«ВОЗДУШНЫЕ НЕВЕСТЫ РЕЮТ НАД ОГОРОДАМИ...»

воздушные невесты реют над огородами
женихи ходят между грядок с огурцами и луком
играют с (ба)бочками пляшут комариную польку
царапают руки с куста поедая крыжовник
в букеты собирают цветы картофеля и укропа
ночью изящно выпадут невесты в осадок

Рута Штелмахере

«Река переполнила наши глаза...»

Река переполнила наши глаза,
когда стояли, обнявшись,
наши руки вплетались
в небеса, в пески,
 в прибрежные мхи,
как же мы зыбки, мой
милый, как же зябки,
прахом став, восставали,
рассеяны ветром,
воспаряли, вспыхнули,
воссоединялись,
встав вот тут,
чтобы звучать голосами,
исполненными
кликков, откликков,
чтобы звучать –
как же мы зыбки,
мой милый,
тая,
ликуя.

Майра Асаре

После потопа

такая вот первая весна после потопа –
еще ни разу не видела тебя с прикрытыми веками.
обещаю себе поехать к морю, но, безупречно отглажен, от
меня на расстоянии отрекается берег.
в дальних лугах свербят травы, как волосы школьника, под-
стриженные перед летом, ежик.
таинственно гибки в их тени насекомые объятья.
не подпускайте детей к цветнику, поливая сад, учит Жижек,
цветы так вызывающи, так развратны.

наводнение смыло дам с тротуарной плитки. лошади стоят на
хвостах, настоящие статуи, копыто на ядре или снаряжном ящике
– иначе не удержаться, встав на дыбы, смотри урок ренессанса,
иначе не удержать в бронзовых стременах владык, нужны три
опоры.

деревья вцепились корнями в хребет города.
не вижу, как вдоль него твой силуэт перемещается меж ство-
лов, посеченный светом.
на углах в хрусткой бумаге продают вспышки молний.
ты есть, тебя нет,
кто-то проносится мимо на скейте, салютуя свежепросохшей
земле.

Ингмара Балоде

«ПОМНЮ УЛИЦА УСПОКОЕНИЯ ДЫМКА ПОПОЛУДНИ...»

помню улица успокоения дымка пополудни однажды в августе
мы курили в заросшем школьном саду листья кленов падали
грациозно где вы друзья да где ваш ликующий голос ваш
прозрачный смех бессонными ночами пошарпан слегка прокурен

мне нечего больше сказать, голоса в облаках да, однажды

трамваи ходят туда-сюда разнося запах горячего металла
успокоения нет, есть безымянная дрожь в сердце
а я до сих пор хожу по той самой улице
толстая женщина предлагает брошюру о господа нашего
обетованном царстве
лунообразный лик сияет надеждой, ей хочется верить,
что мы спасемся

она твердит без конца
твердит твердит возьмите же, купите надежду
губы шевелятся шепелявят
снова и снова

мы обречены небытию, нам нечего больше сказать

Рута Межавилка

«МЫ ИДЕМ КАСАЯСЬ ДРУГ ДРУГА ПЛЕЧАМИ...»

мы идем касаясь друг друга плечами
твои плечи более зыбкие и топкие чем мои
к твоим кедам времена года липнут чаще чем я дышу
ты говоришь мне что день стал длиннее на целых пять минут
как тот разгильдяй что уже вырос из купленной для зимы обновы
ты лишь говоришь говоришь
а я всё застегиваю все не пришитые пуговицы

Инта Кампара

Петелька к петельке

1

King Singers

Что они делают, когда окончен концерт? – Прощаясь у выхода, галантно шляпами машут, прежде, чем разойтись, и музыка – звучит ли она в их шагах или плещется в светлых платьях и тех скупых фонарях, что затеплил вечер? И тенор – хлопнет кружку в кругу друзей или стопарь в одиночестве, в барчике, исполненном тишины, где печальная муха бродит по стойке, и баритон – сев в свою ласточку, помчит домой, обнимет жену, поглядит в телевизор, примет таблетку и ляжет спать, перед сном недвижно уставившись в потолок, и никто никогда не узнает, что он там видит, или же все они долгой цепочкой по крышам, мостам и башням города – петь а capella со звездами.

2

Некая рижская радиостанция выслала в ночь погулять саксофон – он сон мой надрезал и, вылизав рану горячим голубым языком, смеялся – попробуй сама, как ходят безногие, я мир из фу-фу строю снова, всё из голубого, ты мне будешь должна! С полпути, на пороге, он сгреб меня, мокрой заплаканной курицей бросив в окно – ты там глянь, не пора ли пробовать воздух, что в чреве моем стал стоном, смехом, всхлипом и крыльями?

3

Не слышала ничего, что щемило бы круче одинокого насвистывания в ночной тиши – словно зов, не верящий в отзыв, как простая такая весть – эй, слышишь, я здесь, я тот, кто свистит, сам-с-усам, у меня есть свирелька, свистулька, меня не увидишь,

не потрогаешь, не пожалеешь, я сам, ничего
мне ни дашь, ни возьмешь, вот сердце только
попридержи, я ножонкой сучу, по камушкам-
мушкам стучу, на макушке шапчонка, ау,
зову – не отзывайтесь, в осторожных кустах
придорожных возня – такова моя песенка,
есть я – нет меня, ух ты, сам себе сирота
я и матушка, вот не грусти только, я
крестный отец слепому туману, лодкам
в черных бухтах и каждому слову,
что пишешь на белых своих листах.

Майра Асапе

Добрый вечер, месье Гоген

Поль Гоген. «Здравствуйте, месье Гоген» (1889)

(раз)

Я выбираю любые способы жить, умирая.
Я родилась, открыла рот и, гляньте-ка, посмела
(сказать слова, которые
другие выписывают до седины, но я-то) – глупо смею
уходить, приходя, здороваться, прощаясь.
Добрый вечер, месье Гоген, не прикасайтесь ко мне.
Не прикасайтесь ко мне, моя плоть разделена
на завтраки и обеды, ее развозят самолеты и корабли.

(два)

Сижу, смотрю, что делают другие, и щелкаю заколкой для волос.
Когда б так было вечно, я б испугалась – зреют яблоки в саду, и
хоть не Янка пьет молоко (как в том стишке у Иманта), но мысли
брызжут, беспечно озаряя звездам путь – что, не успею? Зрелость
не придет? Не встанет у ворот? А станет молчать, звонить. лишь
взгляд поверх столов, по выюгой натянутой струне, заснеженной
(не заблудиться бы) дорогой
придет, но в двери – нет?

Нечестно так сидеть возле тебя
заколкой щелкать и не знать
мы еще с этой или с той (из двух сторон),
задернуты экраном ночи. Лампа дневного света уплощает тени.
Добрый вечер, месье Гоген. Вам почта. На открытке медная лиса
под сенью леса.

Ингмара Балодэ

«меня разбудила соседка, просит пятерку на молоко, гляжу ей...»

меня разбудила соседка, просит пятерку на молоко, гляжу ей
в глаза, не даю, а после не могу заснуть, даже накрывшись с
головой одеялом, слушаю детский плач за стеной, на четвертом
этаже кто-то долбит по клавишам, по одним белым
ты говоришь, я твое piano forte,
всегда мажорное,
задерживаю дыхание,
меня постоянно выдают сжатые кулаки

Луизе Лисмане

Утром, вечером

I

Можешь не прятаться за кофейной чашкой.
Утреннее солнце салит точно.
Горячий душ, гренки, обезжиренный йогурт,
Отличная музыка на твоём компакте – вряд ли
Это поможет.
Ты растворишься в тысяче солнечных зайчиков.

II

Я наблюдаю за контуром облака над лесом предместья.
Небеса свободны, просты.
Спокойное воскресное утро, морозец, снежок; погода
благоприятствует полетам.
Серебро и капелька золота. Равновесие циана и мадженты –
плюс капелька yellow.
Черного как пить дать нету. Нету? Пара ворон
промелькнет– пожалуйста, черный.

III

Взмах серых рассветных крыльев.
Бабочки паутинно-нежны. Прикосновение случайно.
Эта ночь сожжена без остатка. Поди нет?
Ты так многозначительно-улыбчив. Глаза твои желты, ай!

Рута Межавилка

Геометрия

я все еще была в пути, а пальцы сумерек уже обрывали хрупкие олеандры и прочую красу за оградой, где вне ботанического присмотра пахла крапива сквозь кованое железо.

я все еще была в пути, но ту девочку, что вылезла из черной машины, уже ждала бабушка перед домом – или мама, одно окно освещено, какая грусть, платочек в кармане голубого халата, в другом – ключи, вижу, рука прижимается к телу.

я все еще была в пути, и кто-то окликнул друга за садовой калиткой, кто-то сосчитал за морем звезды, кто-то за горами повернулся с боку на бок, а я все прикидывала, как лучше перевести его стихотворение «чворобок»: коробка не коробка, створ не створ, знаю, что не куб.

звонок ожил на руле.

я в пути, а мое Одиноково спит, ан нет, сосед гуляет с собакой.

обычно не здороваемся, но тут нашлась улыбка для той,
что, считая точки на карте августа,
осваивается с дорогой

Ингмара Балоде

«КОГДА ШЕЛ ДОЖДЬ...»

когда шел дождь
мы всё еще смиренно и
яростно ловили в шуме
капель насущную весть
о небе отчем доме о детстве обо
всех делах наших и днях и некогда
вызубренном Возлюби Ближнего Своего
мы лежали рядом
открыв ладони покуда
абрисы наших тел
не слились в один
глубоко под нами
перекрестья подземных жил
подмигивали путеводными
звездами кореньям-кометам
зрели змеиные залежи
грунтовые воды зудели и
кости и цапки давно умерших
названивали – Возлюби Ближнего
пока шел дождь
мы знали всё
о любви

Майра Асапе

«Неприкаянные любят неприкаянных. Любят остро...»

Неприкаянные любят неприкаянных. Любят остро
Неуютный шум города пробуждает лежащих монстров
В угрожающих размеров кроватях, куда сквозь резные рамы
Высекая животные страсти, заплывают света и тени
Но неприкаянные любят неприкаянных. Любят странно
В углу у восьмигранного буфета зудит забвеньё
Перелистывая засаленные календарные страницы с
Народными приметами, рисунками спиц и шерсти
Простыми советами, как не окочуриться раньше смерти
Неприкаянные любят неприкаянных. Любят жалко
А у забвения лицо оборотня. Язык похожий на жало
Проверит все это, каждый факт опробует на зуб
Особенно число *тысяча девятьсот шестьдесят*
На обложке книги, припахивающей карпатским газом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.